

войны и т.д. Священнослужители были удостоены высоких наград Советским правительством. Митрополит Алексей за свою службу в блокадном Ленинграде был награжден медалью “За оборону Ленинграда”.

Большая заслуга принадлежала епископу Луке (Войно-Ясенецкому), известному ученому, хирургу, работавшему в годы войны во многих госпиталях страны. В нем удивительно сочеталось пастырское духовное служение с напряженной врачебной деятельностью.

Патриотическую деятельность осуществлял экзарх Московской Патриархии в США митрополит Вениамин, небезуспешно работавший за открытие второго фронта. В Париже активно работала организация “Православное действие”, которая укрывала евреев – советских военнопленных.

Русская православная церковь в годы войны вела патриотическую деятельность и в меру своих возможностей помогала фронту и тылу.

Л.В.Смирнова
Санкт-Петербург

БЛОКАДНИКИ ВСПОМИНАЮТ

Прошло полвека с того момента, когда прогремели последние выстрелы Великой Отечественной войны. Ушли из жизни многие ее участники, заросли травой окопы, противотанковые рвы. Но не померкла память человеческая тех участников, которые прошли через горнило войны и остались в живых. В то время некоторым из них было 4 года, 12 лет, 20, но сегодня они как бы сравнялись в годах. Пусть порой их рассказы приукрашены, не все факты документальны, важнее то, что они запомнили, пережили.

Блокада Ленинграда была тяжелым испытанием для всего народа. Люди всех национальностей как могли поддерживали блокадников. Те, кто пережил блокаду, в своих воспоминаниях дали почувствовать давно ушедшее время. Их осталось немного, им очень трудно вспоминать прошлое, с ними нелегко разговаривать на эту тему, так как они, рассказывая, сегодня как бы заново эмоционально переживают то, что с ними произошло. Свидетельства блокадников являются уникальным историческим источником, который в отличие от боевого документа передает внутренний мир человека, боровшегося с голодной смертью, защищавшего Родину.

Трудно давать комментарии этим воспоминаниям, поэтому они представлены на суд читателя без них.

Михайлова Нина Андреевна (58 лет), пенсионерка, работает лаборантом на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета: “Мне было 4,5 года, когда началась война. Отец был столяр, ушел на фронт и погиб в 1942 г. Мама работала на мукомольном заводе. С завода ничего нельзя было вынести. За 300 г муки – 10 лет заключения. Везли зерно на завод, иногда рассыпалось, вот и собирали вместе с грязью. Собирали на кладбище лебеду, крапиву. На газонах выращивали овощи. Делали похлебку из столярного клея. Воду носили из Невы. Как-то, помню, у одного соседа пал конь, так он его разрезал и по кусочкам раздал всем жильцам дома. Люди были очень добрые. Однажды на Новый год взрослые принесли апельсин и конфету, и даже что-то из одежды. Детей берегли. У кого не было отца – платили 200 руб. до 13 лет. (Плачет.) Каждый день по радио детям читали сказки М.Г.Петрова. Помню, еще небо всегда горело: красное, синее, белое. Часто бомбили. По радио бьет метроном и голос диктора объявляет: “Всем в убежище!” Сначала еще силы были ходить, но потом было трудно. Много людей умерло от голода, по городу штабелями лежали трупы. Мама моя на санках возила умерших на кладбище.

У тети Тани был кровавый понос от голода. Она умерла прямо в кровати, а я была в ее объятиях. Страшно было. Воровство тоже было, но в принципе воровать особо нечего было. Были и предатели, ракетчиками их называли. Они из ракеты стреляли и таким образом показывали немцам где и что бомбить. Было и людоедство. Это я от мамы слышала. У покойников вырезали мягкие места. Мама дом всегда закрывала, когда уходила на работу, и говорила мне, чтобы я никому не открывала ни окна, ни двери. Помню, один раз я сидела у окна и кушала лепешки из лебеды и опилок, а на улице мужчина проходил и тихо так говорит: “Открой форточку и дай лепешку”. Я открыла и подала, а он лепешку взял и меня за руку тянет, я испугалась и закричала, и он отпустил....

Трудно было, но ни систему, ни руководство не осуждаю. Как-то государство помогало, а сейчас что? Мораль и совесть были у людей, а сегодня все уничтожено”.

Ионова Валентина Иосифовна (53 года), продавец книжного магазина: “А что рассказывать?! Помню, как началась война. Маму ранило, и вскоре мы эвакуировались за Урал. От голода ручки и ножки были худые. Взрослые все отдавали детям. Вообще жили ради детей. Да и сейчас я живу ради своего сына и внуки...”

Федорова Галина Ивановна (54 года), преподаватель немецкого языка Санкт-Петербургского государственного университета: “События развивались быстро, а инерция мирного времени еще оставалась. Папа лежал в госпитале, поэтому у нас был мужчина, что в то время было великим делом. Поезда ходили не регулярно, и поэтому мы шли пешком из Старой Руссы к Новгороду. В Новгороде первый раз увидели немцев – документы проверяли. Отец сказал: “Нам теперь уже никуда не уехать, надо обратно в Ленинград”. Ночь отсидели в кустах и утром пошли обратно. Сестра отца нас прописала, и мы получили карточки. Началась блокада. Однажды утром пришла мама, принесла 0,5 кг сыра, села на стул и сказала: “Я устала, больше ничего не смогла достать, не знаю, что дальше будет”.

Помню, мама водила меня в ТЮЗ (Театр юного зрителя), где мы смотрели сказки “Кощей Бессмертный” и “Кот в сапогах”. В фойе театра продавали сладкую воду и больше ничего не продавали.

В 1942 г. нас эвакуировали. Дали сухой паек на 4 человека – 1 кг гречи. Добрались до Борисовой Гривы, переночевали у старушки, которая дала мне 3 конфетки. Питание было плохое, многие умирали. Ехали в теплушке 5 суток, на день рождения прямо в теплушке сварили кашу, столько радости было. За эти 5 суток много умерло, каждое утро выносили на станциях покойников. Помню, в купе, где мы ехали, умер мальчик, его мама с ним специально разговаривала, чтобы его не вынесли, хотела сама похоронить. Доехали так до Вологды, где нас накормили тушеной капустой и сосисками – было очень вкусно.

Разное было, но люди были отзывчивые. Дети были представлены самим себе, но все-таки было взаимопонимание, не обижали друг друга. На праздники (и даже на день рождения Сталина) в класс приносили мешок с подарками, пряники, конфеты: мы расписывались в тетради и приносили домой. Всегда хотелось кушать. Не хватало сладостей, не было игрушек, но в то же время детство было счастливым. Жили как-то со всей страной, слушали сводки и сообщения, хотя мало что понимали. Всегда было место, куда можно было обратиться. Не чувствовал себя чужим и ненужным человеком...”

Донченко Ангелина Анатольевна (65 лет), пенсионерка, работает продавцом в продовольственном магазине: “Война застала на даче в Любани. Вокзал разбомбили, обратно в Ленинград не приехали. Я, бабушка и дочь брата ушли в Суминские леса (Синявинские болота) и жили в шалаше. Рыли картофель, брали ульи в колхозах. Как-то не страшно было. Это уже сегодня вздрагиваю. Я была связной у партизан. Ходила по деревням: Трубниково, Бабино, Дубовое и т.д. Как-то опоздала с Бабино в Александровку. Немцы посадили меня в подвал за нарушение

комендантского часа. А я потихоньку вылезла, потому что мышей боюсь, и сбежала. Пробиралась по огородам, боялась – пристрелят. Но вообще-то немцы разные были: кто считал себя истинным арийцем, тот разговаривал плеткой и пистолетом, а кто из немцев и хлеб давал. Однажды случай был такой: немцы испытывали новое дальнобойное орудие, а партизаны мне велели принести гильзы от него. И вот я с поваром-немцем поехала и в гильзы положила порошок и мыло. Явочные часто менялись, я включала патефон для пароля: песня “Амурские волны” обозначала, что немцы в деревне; песня “Синий платочек” – нет немцев. Всякое было. Так, соседка моя донесла на меня в гестапо, что я дочь партизана. Мы жили так-то в достатке, откупились у коменданта. В 1942 г. эвакуировалась в Прибалтику, была радисткой в военной части. В 1943 г. отправили по заданию в Ленинград. Родным везла в чемодане яблоки и между ними спрятала масло. В трамвае запахло яблоками, а вы представляете запах яблок в блокадном городе?! Меня сняли с трамвая и забрали в милицию. В милиции разобрались и отпустили...

Потом в Ленинград уже вернулась только в 1948 г.

Шевченкова Лидия Владимировна (57 лет), пенсионерка, бывшая балерина: “Эвакуироваться не стали, так как первая баржа утонула, и поэтому мама никуда не отпустила. Частые бомбежки были, в бомбоубежище практически не ходили. Помню, у нас стояла буржуйка, и мы топили снег на ней, если не ездили с мамой за водой. У меня были отморожены руки. Время было тяжелое, но взрослые всегда делились с детьми. Помню, варили столярный клей – это здорово было, как конфетка. Что еще рассказать, всякое было, но не жалуюсь. Раньше мы, блокадники, собирались часто, а сейчас время тяжелое, да и мало нас осталось, и даже неоткуда ждать помощи”.

Шевченков Юрий Васильевич (63 года), пенсионер, бывший военный моряк, инженер: “...Папа умер от голода прямо на лестнице около квартиры... Помню, ели пшеничную кашу, до сих пор ее люблю... Очень тяжело было, не надо в этом копаться, хоть нас и мало осталось, не стоит все это вспоминать, главное, чтобы ничего не повторилось...”

Пусть эти воспоминания останутся в назидание будущим поколениям, чтобы не повторился весь ужас той войны. Анализируя все это, они должны извлечь уроки и сделать выводы.